

ИЗ ИСТОРИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

© — ОЛЯ — 1991

М. И. ШАПИР

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ В РОССИИ

(конец 1910-х — начало 1920-х годов)

1. О поэтическом языке произведений Хлебникова

(Обсуждение доклада Р. О. Якобсона
в Московском лингвистическом кружке)

В начале мая 1919 г. Р. О. Якобсон закончил работу над первым монографическим исследованием хлебниковской поэтики и 11 мая прочитал на эту тему доклад в Московском лингвистическом кружке (МЛК), председателем которого он тогда являлся. Его первыми слушателями и критиками стали члены МЛК (П. Г. Богатырев, О. М. Брик, А. А. Буслаев, Ф. М. Вермель, Г. О. Винокур, В. И. Нейштадт, О. Б. Румер, П. П. Свешников) и специально приглашенные гости (Л. Ю. Брик, В. А. Буслаев)¹. Присутствие Маяковского в протоколе не зафиксировано, но в черновых набросках к мемуарам о поэте (конец 1930-х годов) В. И. Нейштадт, сам принимавший активное участие в обсуждении, вспоминал: «На докл[аде] Якобсона о Хлебникове (11.V.1919) Маяк[овский] был, 9.V. должен был уехать в Петроград, но отложил поездку, п[отому] что он очень интересовался этим докладом, расспрашивал о нем. Подчеркнул его знач[ение] в некрологе о Хлебникове»².

Как само исследование Якобсона, так и протокол его обсуждения в МЛК являются важнейшими источниками по истории русской поэтики 1910—1920-х годов. Так получилось, что деятельность и наследие Опоязя изучаются с большой тщательностью, тогда как роли и значению МЛК до сих пор уделялось далеко не достаточное внимание, а между тем реальный вклад московского кружка в лингвистику и поэтику XX в. (не только отечественную, но и мировую) не сравним с каким бы то ни было другим. Отсутствие своих печатных органов и издательской базы³, а также недостаток некоторой авангардной броскости в организации научного быта москвичей привели к тому, что символом русского «формализма» стал Опояз, тогда как основная работа по созданию новой филологической науки велась в недрах МЛК. Именно в этом ключе надо оценить точку зрения Якобсона, лингвистические и поэтологические взгляды которого, высказанные в докладе о Хлебникове, были свойственны как раз не петроградскому, а московскому «формализму» и оказали на него определяющее влияние⁴. В свою очередь, роль основного оппонента взял на себя О. М. Брик: его отрицательное отношение к докладу в целом должно быть воспринято как критика ортодоксального опоязовца. И дело здесь, разумеется, не в формальном членстве (Брик так же состоял в МЛК, как Якобсон — в Опоязе) и тем более не в месте проживания: и Брик, и В. Б. Шкловский, живя в Москве, около двух лет (до весны 1921 г. включительно) были в числе наиболее деятельных членов кружка. Важно то, что их теоретическая позиция осознавалась как характерно опоязовская самими членами МЛК⁵.

По словам Б. В. Горнунга, который вошел в состав кружка осенью 1918 г., главное различие между МЛК и Опоязом заключалось в том, что «Москва шла от лингвистики к поэтике, а петроградцы — от теории литературы»⁶. Именно в МЛК вырабатывалось понимание поэтики как «лингвистической дисциплины»⁷. Отсюда и центральный момент дискуссии — идея «поэтической диалектологии»⁸, подвергшаяся критике в прениях: как справа (Ф. М. Вермель), так и слева (П. Г. Богатырев). Каждое из этих выступлений вскрывало существенный компонент лингвистического мировоззрения Якобсона. Утвердительно отвечая на вопрос Вермеля о «принципиальной допустимости лингвистического подхода к поэзии»⁹, Якобсон поступал как «формалист»: предпочтение, оказываемое «изучающей» науке по сравнению с «оценивающей» критикой, роднило многих сторонников «морфологической поэтики»¹⁰. Отвергая возражение Богатырева «против применения термина „диалектология“ к изучению языка лишь одного поэта», тогда как «диалект (...) есть язык известного класса людей», Якобсон поступал как «младограмматик»: именно это направление в языковедении полагало, что единственно реален «язык индивидуальный», а «диалект — всегда, более или менее, фикция»¹¹. Третий существенный компонент — «феноменологический», составлявший наряду с «формализмом» и «младограмматизмом» важнейшую сторону методологии раннего Якобсона, не был затронут в прениях. В самом же докладе он сказался в таком анализе логико-семантической структуры хлебниковского слова, какой был возможен только с опорой на «Logische Untersuchungen» Э. Гуссерля¹².

Знаменательно, что первоначально работа Якобсона называлась по-другому: «Подступы к Хлебникову (опыт поэтической диалектологии)»¹³. То, что фундамент этой новой лингвистической дисциплины был заложен в процессе изучения Хлебникова, в высшей степени закономерно: не исключено, что его стихи, как ничьи другие, дают почтствовать глубокую разницу (и функциональную, и собственно лингвистическую) между литературным языком (= языком официального быта) и языком литературы (= языком искусства). По Якобсону, своеобразие хлебниковского языка двоякое — у него «находим две системы: систему неологизмов, и систему разговорного языка»¹⁴. Первая особенность — это результат языковтворчества самого поэта, вторая — результат сближения поэтического языка с языком неофициального быта через голову общепринятой языковой нормы¹⁵. Существенно при этом, что языковое новаторство Хлебникова обнаруживается на всех без исключения уровнях языковой структуры. Так, в области фонетики выступающими было отмечено такое явление, как зияние — неизвестное общему языку сочетание гласных (типа *ниээ* или *лиээй*); в области морфологии в широком смысле — тенденция к вытеснению личных форм глагола причастиями и деепричастиями, когда «действие представляется как качество»¹⁶ (*Вы здесь, что делая?*; *Народ, свой ужас величающий, // Пучины рев и звук серчающий*), а также «внутреннее склонение слов», т. е. образование окказиональных морфем по образцу семитского корня [типа *м-ч* (*меч* и *мяч*) или *л-с* (*лес* и *лыс*)]; в области синтаксиса — сочинительная связь разных членов предложения (*Aх, становище земное // Дней и бедное длиною*), в области синтаксической семантики — неожиданное управление творительным падежом (*Я рогат стоячий вышками, // Я космат висячий мышками*); в области словаобразования — окказиональные суффиксы [типа *-ебен* (*единебен* как *молебен*) или *-ог* (*грезоги* как *чертоги*)]; в области лексики — неология (типа *смейч* и *рассмешище* или *могун* и *владун*); отдельно были рассмотрены речевые ошибки — *lapsus 'ы linguaе*, которые Якобсон считал проявлением разговорности (например: «*O пощади меня, панич*», // *Но том «не может» говорю*). Разумеется, все это — только малая часть «аномалий» хлебниковского языка, рассмотренных в докладе Якобсона.

Присутствовали: Богатырев, О. Брик, Л. Брик, А. Буслаев, В. Буслаев, Вермель, Винокур, Нейштадт, Румер, Свешников, Якобсон.

Доклад Р. О. Якобсона на тему: «О поэтическом языке произведений Хлебникова».

Содержание доклада прилагается¹⁸.

В прениях принимали участие: Богатырев, О. Брик, А. Буслаев, Вермель, Винокур, Нейштадт.

Брик отмечает громадный интерес и значение прослушанного доклада. Но это значение заключается не в общей стороне доклада, а в той массе отдельных замечаний, которыми полон доклад <,> и в материале, привленном докладчиком. Общее же отношение к докладу у Брика — отрицательное. По мнению Брика — доклад не имеет темы, не имеет ясно поставленной задачи: чего хотел достичь докладчик? Установить ли некоторые законы поэтического языка вообще, или же вскрыть поэтику Хлебникова?¹⁹ В конце концов — ни одна проблема не разрешена. Доклад хлебниковской поэтики не исчерпывает. Брик ставит следующие частные возражения против доклада: 1) По<->видимому, как вывод из доклада приходится принять то положение, что вся поэтика Хлебникова — есть лишь обнажение доселе уже существовавших приемов. Где же в таком случае творчество Хлебникова? Где новые приемы, им созданные?²⁰ 2) В докладе <,> по<->видимому<,> отожествляется современная поэзия и поэзия Хлебникова — а между тем это нисколько не доказано, и совершенно неверно. 3) Нельзя согласиться с утверждением докладчика о незначительной эвфонической роли гласных звуков в поэзии Хлебникова (и современной п<оэзии> вообще) по сравнению с таковой же ролью согласных. Сам докладчик приводил примеры построений на гласных звуках: «внутреннее склонение слов» и т. п.²¹

Богатырев к последнему возражению Брика присоединяется и приводит как пример валентности гласных также зияние в «заумных» стихах Хлебникова²².

Буслаев отмечает<,> в свою очередь<,> нелепости доклада. Так<,> положение доклада о синтаксическом безразличии порядка слов в русском языке²³ нуждается в существенных ограничениях. Неясны<,> и те принципы, которы<е> докладчик клал в основание своего исследования: почему сравнивается Пушкин и Хлебников?²⁴ С какой точки зрения исследует докладчик Хлебникова — с исторической, или статической?²⁵

Винокур не согласен с утверждением доклада о том, что как старый практический язык<ык> менее понятен исследователю, чем современный. так и старый поэтический язык<ык>, например язык Пушкина, менее понятен, чем современный поэтический язык, например язык<ык> Хлебникова²⁶. Ведь живой, современный практический язык понятней лингвисту только потому, что он имеет здесь дело непосредственно с фактом, при исследовании же старого языка — приходится обращаться к мало достоверным документам. Но при изучении поэтического языка и в первом и во втором случае — мы имеем дело с документом, который приходится совершенно одинаково интерпретировать.

Якобсон, отвечая предыдущим<,> указывает следующее. Доклад обладает вполне определенной темой и задачей. Задача эта — есть задача поэтической диалектологии, и имеет ввиду дескрипцию поэтических языковых фактов и поэтических приемов Хлебникова. Очень возможно, конечно, что дескрипция вышла не исчерпывающей, но указание на неполноту не есть возражение по существу. К чему же ведет такая дескрипция? Она ведет к установлению на основании фактов поэтического языка — его законов, с проекцией в историю. Что касается возражения Брика о роли Хлебникова и его творчества, то творчество Хлебникова очер-

чено в докладе вполне определенно. Обнажение хотя бы прежде существовавших приемов уже само по себе есть прием, та или иная реализация приема — есть прием. Это не есть лишь узаконение доселе существовавших основных законов поэтики — это есть уже и пересоздание их. Суть не в приеме самом по себе, а в его применении²⁷. Отожествлять современную поэзию с поэзией Хлебникова — конечно, не входило в задачи доклада, а факты из других современных поэтов приводились лишь для разъяснений и надлежащих иллюстраций. Подходя к вопросу о эвфонической валентности гласных и согласных, Якобсон указывает, что сам по себе факт внутреннего склонения слов — не есть факт эвфонический, ибо качество гласных здесь не имеет самодовлеющей ценности. Флексия основы есть и у Маяковского, но нельзя оспаривать громадного эвфонического значения согласных у этого поэта²⁸. В семитических языках флексия основы играет громадную роль, но уже очевидно, что эвфоническая ценность там несомненно заключена в согласных²⁹. Также и зияния[,] на которые указал Богатырев, по существу не опровергает выставленного в докладе положения; здесь опять-таки не играет роли качество гласных³⁰. Возражая Буслаеву, Якобсон указывает, что порядок почти не имеет в русском языке, во всяком случае, элементарных значений. Что касается общего принципа рассмотрения, то в основу, конечно, был положен метод статический, и лишь делалась некоторая проекция в историю. Отводя возражение Винокура, Якобсон указывает, что в поставленном возражении оказывается профессиональный фонетик. Дело в том, что факты языка современного понятнее нам не только благодаря непосредственному восприятию факта, но также благодаря тому, что и сам исследователь переживает сходные языковые процессы. Так[,] один и тот же поэтический прием — в стихотворении Хлебникова нас поражает, останавливает на себе наше внимание, между тем как в стихотворении Пушкина он может остаться незамеченным, ибо он показан там в привычной, благодаря частым ассоциациям, манере³¹.

Богатырев возражает против применения термина «диалектология» к изучению поэтического языка лишь одного поэта. Это есть язык индивидуальный, диалект же есть язык известного класса людей. Можно было бы лишь известную школу поэтов объединить термином «диалект»³².

Якобсон указывает, что он не определяет границ фактов. А единственный источник научного познания и есть ведь язык индивидуальный. Диалект — всегда, более или менее, фикция.

Вермель останавливается на вопросе о принципиальной допустимости лингвистического подхода к поэзии. Возможен ли здесь эмпирический подход, и имеет ли вообще лингвистика право заниматься поэзией? Изучая поэта, всегда ждешь оценки.

Якобсон указывает на полное основание лингвистического изучения поэзии. Поскольку^у вообще возможна лингвистика, как эмпирическая наука, она одинаково^о возможна в применении и к практическому и поэтическому языку³³. Законы, выводимые индуктивным путем[,] и здесь вполне оправдываются принципиально.

Богатырев останавливается на примерах из фольклора³⁴, и указывает, что[,] по⁻видимому[,] Хлебников не исключает фольклора.

Якобсон указывает, что фольклорные примеры приводились опять-таки как иллюстрации, без всяких соотношений. Примеры же из старых поэтов имели целью, помимо объяснительной, еще особую цель: по возможности установить историческую связь.

Богатырев полагает, что в обоих случаях примеры являются иллюстрацией. Хотел ли докладчик примерами из старой поэзии указать на влияние?

Якобсон. Отнюдь нет. Имелась в виду эволюция поэтических приемов. По поводу гласных и согласных Якобсон приводит собственные слова Хлебникова, который вполне был согласен с мнением[,] установленным

в докладе³⁵. Помимо того, при попытках, присущих каждому почти поэту, дать описание «значения» звуков — Хлебников очень плохо справлялся с гласными, с согласными же оперировал свободно³⁶.

Нейштадт не согласен с параллелью между историей стиха и историей музыки, которую приводит докладчик, указывая, что и здесь и там замечается уклон: от тона — к тембру³⁷. По отношению к современной музыке этого никак нельзя сказать.

Якобсон указывает, что он имел ввиду попытки создания искусства шумов³⁸.

Брик останавливается на указанной докладчиком тенденции к использованию разговорного языка в стихах Хлебникова³⁹, и считает, что докладом данный вопрос не выяснен в достаточной степени.

Якобсон указывает, что эта тенденция сказалась в т. наз. lapsus'ах linguae, в ритме и порядке⁴⁰. Вообще же у Хлебникова находим две системы: систему неологизмов, и систему разговорного языка.

Нейштадт приводит пример сравнений у Крученыха, как параллель к сравнениям Хлебникова⁴¹.

Вермель указывает на приемы сравнений у Пастернака. У него весь ряд слов ассоциируется по смежности с первым, при чем уже непосредственно, т. е. помимо промежуточных звеньев. Так двор, раз сравненный с извозчиком *sic!* далее непосредственно может сравниваться с коляской, с кнутом и т. д.⁴². Этот прием вырос из Хлебникова.

Буслаев по поводу синтаксической части доклада указывает, что было бы хорошо, если бы существенное в Хлебниковском синтаксисе было более подчеркнуто, а менее существенное и не рассматривалось. Очень интересным является употребление творительного отношения без связки⁴³. Интересно, употребляются ли подобным образом и другие падежи? Интересно сопоставить с пропусками предлогов у Бурлюка.

Якобсон. У Бурлюка пропуск предлогов есть чистейший эксперимент⁴⁴.

Буслаев останавливается на вопросе об уничтожении глагольности⁴⁵, и не согласен *с* мнением докладчика по этому поводу. Здесь нет уничтожения сказуемости. Путь идет через деепричастия — в причастия; все примеры в докладе — причастия.

Якобсон указывает, что в поэтике Хлебникова замечается особая тенденция — действие представляется как качество.

Буслаев формулирует свои замечания: 1) Вопрос о других падежах без связки, 2) О качестве и действии, 3) О признаке и вещи, в каком отношении они друг ко другу находятся?

Брик сопоставляет пропуски предлогов у Бурлюка с аналогичными случаями у Маяковского. Интересно только, что у Маяковского замечается при этом тенденция к осмыслинию: «Вытянул руки кафе» (здесь эвф*онический* момент, а помимо того — дат*ельный* п*адеж*); «трудом выгребая галеру» (твор*ительный*)⁴⁶ *<.>*

Богатырев отмечает, что в словосочетаниях типа «смотрит зло и рьяно»⁴⁷ союзу «и» придано расширяющее значение, здесь его функция не есть только соединение.

Якобсон отрицает это. «И» создает слитное предложение, сообщает ритмико-мелодический характер⁴⁸.

Богатырев останавливается на различных примерах из фольклора и сопоставляет их с хлебниковскими.

Брик указывает на недостаточную разработку отдела о суффиксах⁴⁹. Хотелось бы и большей полноты, и большей систематизации.

Винокур задает вопрос, есть ли у Хлебникова новые суффиксы, произвольные, или созданные из материала старого, не суффиксального?

Якобсон отвечает, что есть⁵⁰.

Затем происходит об*мен* мнений по вопросу: что должно служить материалом для выводов — только ли данное в произведении, или также и сведения, добытые помимо интерпретации самого произведения.

На этом прения кончаются.

Винокур оглашает составленный совместно с Буслаевым проект плана изданий. Проект принимается. Постановлено возможно скорее представить смету ⁵¹.

Председатель
Секретарь
Члены

Якобсон
Винокур
А. Буслаев
Вл. Нейштадт
П. Богатырев
Свешников
О. М. Брик

17/V 19 ⁵²

[Печать МЛК]

2. Вокруг «Новейшей русской поэзии»

(Из переписки Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого)

Когда в самом начале 1921 г. Р. О. Якобсону удалось наконец напечатать свою брошюру о Хлебникове, на нее в течение короткого времени отклинулись многие филологи Москвы и Петрограда: Г. О. Винокур, находившийся в это время в Риге ⁵³, Б. В. Томашевский ⁵⁴, В. М. Жирмунский ⁵⁵, В. В. Виноградов ⁵⁶, М. Д. Эйхенгольц ⁵⁷. Еще один отзыв, принадлежащий Н. С. Трубецкому, стал известен намного позже — в 1975 г. он был опубликован в составе обширного тома «Писем и записок Н. С. Трубецкого», вышедших под редакцией и с примечаниями самого Якобсона (при участии Х. Барана, О. Ронена и М. Тэйлор).

7.III.1921 Трубецкой писал Якобсону: «Теперь — о Вашей книге. Та оценка, которую Вы дали ей сами в Вашем письме несомненно правильна ⁵⁸. Как книга — это не хорошо и даже пожалуй не стоило печатать. Как мысли — есть много интересного и верного. Если отвлечься от неудачной формы, беспорядочного изложения, тяжелого языка и т. д., то в области содержания мне кажется можно отметить один недостаток: слишком большое пренебрежение эстетическим критерием. Пушкин, народная словесность, футуристы — все это совершенно разнородные величины именно в силу их совершенно различных эстетических подходов, взглядов (бессознательных или сознательных) на задачи поэзии. Отметить, что во всех этих видах поэзии встречаются одни и те же приемы — недостаточно. Приемы эти всё таки не одни и те же, именно в силу того, что они применяются людьми с совершенно различными эстетическими „системами поэтического мышления“. Кроме формы и содержания во всяком поэтическом произведении есть еще и эстетический подход, который, собственно, и делает произведение поэтическим. Если форму можно изучать независимо от содержания, а содержание — независимо от формы, то изучать то и другое независимо от эстетического подхода нельзя. Это еще вовсе не означает введения момента оценки в объективную науку, ибо можно для каждого писателя охарактеризовать вполне объективно его эстетический подход и, совершенно не говоря, чей подход „лучше“ или „правильнее“, просто брать его как объективный факт и с этой точки зрения („имманентно“) рассматривать творчество данного писателя. Без этого нельзя говорить об индивидуальном поэтическом языке. В Вашей книге Вы как будто пытаетесь охарактеризовать творчество Хлебникова. Но если по прочтении Вашей книги поставить себе вопрос, чем отличаются футуристы от Пушкина, то окажется, что отличие только „в степени“, а не в принципе. Между тем это неверно и не дает правильного представления об индивидуальных особенностях футуризма. Если бы Пушкин прочел Хлебникова, он просто не счел бы его поэтом. И произо-

шло бы это, конечно, не потому, что футуристы применяют известные приемы не в той пропорции, к которой привык Пушкин, а в силу радикального различия в эстетических подходах. Сущность футуристического подхода я формулировал бы так: 1) пристрастие к „обнажению“ (хорошее слово!) формы; 2) преобладание рефлексии над непосредственностью; 3) принципиальное нежелание довольствоваться обыденным языком и реальным изображением действительности; 4) принципиальное отвержение того, что в данное время признается красивым данной социальной средой. Все эти особенности (М. А. Петровский в одном разговоре назвал это „природоборством“) настолько были чужды и противоположны эстетическому подходу Пушкина, что он именно поэтому не нашел бы у какого-нибудь Хлебникова даже „состава“ поэзии. На все эти черты футуристов Вы в своей книге указываете, но слишком „мимоходом“, во всяком случае это не оставляет достаточно сильного впечатления в читателе. Мне кажется, что Вы с одной стороны слишком боитесь уклониться в оценку, а с другой стороны слишком поглощены Вашими соображениями по общей поэтике, которые спешите иллюстрировать примерами. Поэтому, вместо характеристики определенного индивидуального творчества получается скорее сборник примеров для известных общих положений, причем примеры случайно подобраны главным образом из произведений одного писателя. Думается, что лучше было бы прямо писать общую поэтику, и надеюсь, что Вам удастся это сделать. Такая общая поэтика у Вас может выйти очень интересной, ибо некоторые из мыслей, которые Вы высказали в Вашей книге, по моему, очень ценные. Только, непременно пишите систематично, а то лучшие мысли пропадают. Да и примеры в общей поэтике надо подбирать так, чтобы они были приемлемы для всякого: поэтому на футуристов надо ссылаться с опаской и с оглядкой, помня, что они не для всех убедительны. Прекрасно понимаю, как иногда приятно ошарашить парадоксом, но по горькому опыту знаю, какой вред этим приносишь усвоению и пониманию своих мыслей другими. Надеюсь, что Вы не обидитесь на меня за все эти советы. Я счел возможным высказать Вам свое откровенное мнение о Вашей книге не только потому, что Вы сами в Вашем письме определили свое собственное отношение к ней, но и потому, что искренне желал бы видеть написанную Вами хорошую книгу о поэтике. Отсутствие такой книги вообще дает себя чувствовать постоянно; я часто искал ответа на некоторые вопросы поэтического языка в разных пособиях,— и не находил; у Вас же, может быть, найду, т. к., повторяю, многие из Ваших мыслей мне кажутся ценными и верными»⁵⁹.

По-видимому, Якобсон был разочарован такой реакцией Трубецкого и послал ему ответ с возражениями на возражения. Мы узнаем об этом из письма Трубецкого, помеченного 28.VII.1921: «Теперь о Вашей книге. Получив Ваше предпоследнее письмо (написанное после возвращения из Берлина) я снова перечел Вашу книгу и пришел к заключению, что многое, о чем я писал Вам, было плодом недоразумений, вызванных основным недостатком книги — беспорядочностью изложения. Из Вашего письма Ваши методологические принципы и постановки проблем явствуют, но в книге — нет, т. е. в книге только при повторном чтении и после Вашего письменного комментария мне удалось разобраться. Моя критика была неправильной и была мимо цели именно потому, что я не понял и не усвоил Ваших основных принципов. Оправданием мне может служить только то, что такое непонимание стало возможным благодаря неудачному Вашему изложению. Теперь, что я понял (или думаю, что понял) Вашу точку зрения, я понимаю, что Вы с этой точки зрения правы. Спорить можно только о правильности самой точки зрения, о том, должна ли наука о литературе исчерпываться таким анализом, к какому прибегаете Вы. Мне кажется, нельзя упускать из виду, что литература есть фактор социальной жизни. А как только Вы подойдете к ней с этой

стороны, то сейчас же Ваша точка зрения окажется недостаточной, неисчерпывающей. Фактически читатели производят эстетическую оценку литературных произведений. Для того, чтобы данное произведение стало фактом социального порядка, надо чтобы оно победоносно прошло через это „испытание вкусом“. Только тогда оно удовлетворяет читателей и порождает подражание хотя бы в потенции. И, строго говоря, только при таких условиях оно и становится литературным произведением и входит как звено в историю литературы. Поэтому до известной степени правы те, которые говорят, что можно изучать только умерших поэтов. Это — как по учению Православной Церкви, узнать святой ли был человек или нет, можно только после смерти (по мощам), так и тут: классификация и канонизация явления одного порядка. Пусть изучая умершего поэта мы вкладываем в него то, чего в нем не было и воспринимаем его не так, как воспринимал себя он сам или как чувствовали его современники. Мы все же изучаем определенную реальность: образец, вдохновивший последующие поколения и доставивший им определенное наслаждение. Что этот образец не тождествен с самоощущением поэта, что он м_{ожет} б_{ыть} в гробу перевернется узнав, что именно и как именно ценят теперь в его произведениях,— до этого науке дела нет: все равно этот образец есть фактор социальной жизни, очаг симпатического подражания, звено в цепи развития литературы, а следовательно — возможный предмет изучения для исторической науки. Все это, конечно, не исключает правомерности и Вашего способа анализа, ибо предметы изучения по существу совершенно различные. Но я подчеркиваю, что все таки Ваш метод не единственный, потому что он не исчерпывает всего понятия „литературного произведения“. Что в той науке, которая до сих пор называлась „литературной наукой“ и „историей литературы“ необходимо произвести реформы, т. к. она смешивает в себе самые разнородные и неотносящиеся к делу дисциплины, с этим я вполне согласен ⁶⁰: но Ваша дисциплина, „изучение литературного языка“ ⁶¹ все таки не покрывает собою этой подлежащей реформированию науки, ибо эта последняя изучает поэта поскольку он удовлетворял эстетические и умственные потребности данной среды (современников или потомков), поскольку он черпал из другого подобного ему (современного или прежнего) поэта и поскольку он вызвал подражание себе в других (современных или последующих поэтах), между тем как в Вашей науке и Пушкин, и дядя Митя и гимназистка пытаются писать стихи ⁶² — совершенно одинаково равноправные предметы изучения. Во всяком случае, поэтика, как Вы ее понимаете, хотя и не исчерпывает по моему всего подлежащего исследованию в литературе, является все же необходимым условием науки о литературе, и надо приветствовать Ваше стремление к этой дисциплине, т. к. до сих пор специалисты-лингвисты слишком мало ей занимались. С большим интересом буду ждать Вашу „Поэтику“ ⁶³, а пока жду от Вас обещанного исследования о чешской лирике ⁶⁴, ⁶⁵.

Как видно, Трубецкой не только пересенил общую оценку книги, но и повел свою критику с совершенно иных методологических позиций (для Яacobсона неприемлемых). Так, если в мартовском письме Трубецкой настаивал на возможности избежать «введения (...)» оценки в объективную науку и охарактеризовать «эстетический подход» каждого писателя «вполне объективно», «совершенно не говоря чей подход „лучше“ или „правильнее“» ⁶⁶, то теперь он считает такую оценку обязательной: «фактически» все «читатели производят эстетическую оценку литературных произведений», из которых только те станут «фактом социального порядка», которые «победоносно» пройдут «через это „испытание вкусом“» ⁶⁷. (Видеть такое в письме к Яacobсону странно вдвойне, поскольку Трубецкой прекрасно понимал, что более всего его корреспондент «боится уклониться в оценку» ⁶⁸.

Что же за письмо написал Яacobсон Трубецкому, если оно смогло

столь сильно повлиять на мнение адресата? Сам Якобсон охарактеризовал его так: «В этом пространном письме РЯ изложил свою программу лингвистической поэтики (linguistic poetics) и подчеркнул необходимость систематической разработки этой программы»⁶⁹. Якобсон полагал, что его письмо пропало — в числе тех бумаг, которые были изъяты Гестапо весной 1938 г. во время первого обыска на венской квартире Трубецкого и которые, несмотря на все усилия, так и не удалось обнаружить⁷⁰. В действительности текст письма сохранился — в копии, сделанной самим Якобсоном. В ответ на замечания по адресу «Новейшей русской поэзии» Якобсон писал Винокуру: «(...) что касается его *Томашевского.— М. Ш.* (и твоих) возражений, то я не согласен, деформация + установка на выражение — вполне достаточный эстетический критерий⁷¹. Т \langle а \rangle к к \langle а \rangle к возражения Трубецкого отчасти совпадают, посылаю тебе копию своего ответа ему»⁷².

〈Из письма Р. О. Якобсона Н. С. Трубецкому〉⁷³

Что касается «неудачной формы, беспорядочного изложения» и т. д., то я разумеется согласен, но никак не могу согласиться с принципиальными возражениями. Думаю, частью они обусловлены именно неубедительностью изложения, несистематичностью. Вы меня обвиняете в пре-небрежении «эстетическим критерием». То же кстати мне ставит на вид талантливый молодой московский филолог Томашевский. Вы говорите: я не различаю «эстетических подходов». Мне казалось обратно,— острие моих полемических выпадов было направлено именно против пре-небрежения эст \langle етических \rangle подходом, именно поэтому я настаивал на необходимости изучения *совр \langle еменных \rangle* литературных явлений, ибо старой литературе мы навязываем собственные поэт \langle ические \rangle тенденции (т. е. эст \langle етические \rangle подходы). Но я себе абсолютно не представляю, что такое художественные приемы, что такое форма *вне* эстетического подхода, что же представляет собою прием, к \langle а \rangle к не эстетический подход к материалу, и я недаром настойчиво подчеркиваю, что предмет науки о литературе не литература, а литературность, то, что делает данное произведение литературным⁷⁴. Поэтому, поскольку Вы говорите о возможностях одних и тех же приемов с различными эстетическими подходами, я Вас не понимаю. Что такое «прием» вне «подхода»? И когда Вы говорите, что, кроме формы во всяком поэт \langle ическом \rangle произведении, есть еще и эст \langle етический \rangle подход, то что собственно Вы имеете в виду под формой, абстрагированной от подхода? Вы справедливо указываете, что изучать форму независимо от эст \langle етического \rangle подхода нельзя, но к чему же тогда разделять эти оба понятия? Не является ли это согласно моей терминологии реализацией синонимов⁷⁵? Я думаю \langle , \rangle Вас толкает на этот путь представление о форме, к \langle а \rangle к о вместилище, костюме, вскормленное старой эстетикой, а главное — оперирование с двойичностью — форма, содержание вм \langle есто \rangle форма, материал⁷⁶. Поскольку признается содержание, поскольку сюжет \langle , \rangle напр \langle имер, \rangle относится к содержанию, приходится говорить об эстетическом подходе к содержанию, меж тем лишь \langle ь \rangle только мы усвоим взгляд на сюжет, к \langle а \rangle к на явление формы и т. д., и немедленно отпадает нужда в третьем моменте — подходе, к \langle а \rangle к в чем то автономном⁷⁷. Итак \langle , \rangle я говорю о том или ином приеме (т. е. приеме художественного оформления), если Вам термин не нравится, подставьте вм \langle есто \rangle приема подход, т. е. к \langle а \rangle к терминологическое, я бы возражение принял, но Вы мне еще как будто приписываете ошибку подобного типа: отожествление примерно ю \langle жно \rangle в \langle елико \rangle русского скъврада и болг \langle арского \rangle сковрада, т. е. пренебрежение путем возникновения обеих огласовок⁷⁸. В своей теории я в этом не повинен, иное дело на практике.— Вы полагаете, что мне не удалось указать принципиальную разницу между Пушкиным и Хлебниковым, что для меня эта разни-

ца в «степени», а не в принципе. В примечании к книжке я указал, что «локализовать», приурочивать я еще не в состоянии в силу недостатка проработанного материала, поэтому я не ввожу ни Пушкина, ни Хлебникова в их границы, это не о Хлебникове, а по поводу Хлебникова. Но думается, что если бы Пушкин<>, прочтя Хлебникова, действительно не счел его поэтом, то это произошло бы в первую голову — в силу различия поэтической традиции, от которой «отталкивается» Хлебников<>, и той, от которой «отталкивался» Пушкин<>. Я пытался на стихах Хлебникова проанализировать ряд законов поэтического языка, и если мне удавалось аналогичные подходы к материалу зарегистрировать у Пушкина или в фольклоре, а не в моем восприятии Пушкина либо фольклора, я приводил параллели. Я и сейчас не вижу в своей брошюре «насилия» над Пушкиным, но если все же объективность мне не удалась, и я «офтутурил» Пушкина, как в свое время реалисты, а затем символисты навязывали свой -изм всем великим писателям прошлого ⁷⁹, то это лишнее подтверждение необходимости обращения к самоновейшему искусству для изучения, и, хотя Вы предостерегаете: «на футуристов надо ссыльаться с опаской и с оглядкой, помня, что они не для всех убедительны», но мне все же кажется, что оглядка необходимей в отношении «классиков», ибо ничего нет опасней для релятивной науки, нежели традиционная «убедительность для всех». Достаточно вспомнить, как убедительна вершинность ром<ано>-герм<анской> культуры ⁸⁰. Характерно, что Вы далее формулируете сущность именно футуристического, а не пушкинского подхода. Последнее как-никак труднее. Но и с Вашей формулировкой сущности футуристического подхода я не могу согласиться. Обнажение приема конечно для футуризма характерно, и это его типичнейший признак, но что — скажите — означает «преобладание рефлексии над непосредственностью? Я лингвист и не могу характеризовать явление терминами<>, формирующими предшествующие его возникновению состояния сознания. Я занимаюсь поэтикой.

Примечания

¹ См.: Ин-т рус. яз. АН СССР. Отд. источниковедения (= ИРЯ). Ф. 20. Л. 26.

² ЦГАЛИ. Ф. 1525. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 31 об. К маю 1919 г. Маяковский уже был действительным членом МЛК (см.: ИРЯ. Ф. 20. Л. 1 и др.). Нейштадт писал о нем «Пришел в МЛК и к Якобсону в поисках теоретической базы» (ЦГАЛИ. Ф. 1525. Ед. хр. 164. Л. 30). В архиве Нейштадта сохранился протокол обсуждения доклада С. Б. Гурвиц-Гурского «О сокращениях в заводской терминологии (на материале одного предприятия)» (МЛК, 2.V.1919), в обсуждении которого принял участие Маяковский [см.: Там же. Ед. хр. 418. Л. 2; Тоддес Е. А., Чудакова М. О. Первый русский перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка: (Материалы к изучению бытования научной книги в 1920-е годы) // Федоровские чтения 1978. М., 1981. С. 246—247 прим. 21]. Маяковский присутствовал также на докладе Якобсона «Образчик научного шарлатанства (по поводу „Науки о стихе“ В. Брюсова)» (23.IX.1919), на докладе Брика «Проблема пролетарской поэзии» (23.XII.1919), во время сообщения Якобсона о «филологической жизни Петрограда» (7.II.1920), на докладах Шкловского «Тристам Шенди Стерна» (21.II.1920) и «Тема, образ и сюжет у Розанова» (3.IV.1921) (см.: ИРЯ. Ф. 20. Л. 65, 54, 78, 80, 137). Ср. еще рассказ Якобсона о выступлении Маяковского — вероятно, в прениях по докладу Брика «О поэтическом эпилете» (12.IV.1919; Якобсон Р. Лингвистика и поэтика [1960] // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 227—228), хотя в протоколе присутствие Маяковского на докладе не отражено (см.: ИРЯ. Ф. 20. Л. 16), и не вполне достоверные воспоминания Н. В. Реформатской о рецензии Маяковского до доклада М. М. Кенигсберга «О составной рифме у Иннокентия Анненского» (1923?) (см.: Вопр. лит. 1982. № 4. С. 109—110; в архиве МЛК никаких сведений об этом докладе нет). В одном из документов Маяковский назван в числе тех, кто в 1918—1920 гг. играл в МЛК «руководящую роль» (ИРЯ. Ф. 20. Л. 177 об.). И все же следует отметить, что, по свидетельству Б. В. Горнунига, участие Маяковского в работе кружка было весьма скромным (Ин-т рус. яз. АН СССР. Лаборатория экспериментальной фонетики. А-790; запись устного выступления, середина 1960-х годов).

³ Ср.: Берков П. «Опояз» // Лит. энциклопедия. М., 1934. Т. 8. Стб. 307.

⁴ Не случайно впервые с хлебниковской темой Якобсон выступил в МЛК, в кон-

це 1919 г., он повторил свой доклад в руководимом П. Н. Сакулиным Литературном кружке и только в мае (?) 1920 г. прочитал его вновь на заседании Опояза (см.: Ранние статьи Р. О. Якобсона о живописи: Вступ. заметка, подт. текстов и коммент. А. Е. Парниса // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 411). Немаловажно и то, что Якобсон никогда не печатался в опоязовских изданиях. И в то же время в 1920 г. большинство членов кружка отказалось Якобсону в праве поставить на книге о Хлебникове триф МЛК (Ин-т рус. яз. АН СССР. Лаборатория экспериментальной фонетики. А-790).

⁵ См., например: Якобсон Р., Богатырев П. Славянская филология в России за годы войны и революции. Берлин, 1923. С. 31.

⁶ Ин-т рус. яз. АН СССР. Лаборатория экспериментальной фонетики. А-790.

⁷ Якобсон Р., Богатырев П. Указ. соч. С. 29; ср. также: Якобсон Р. Борис Михайлович Эйхенбаум (4 октября 1886 — 24 ноября 1959) // Intern. J. Slav. Ling. and Poetics. 1963. Vol. VI. P. 163.

⁸ Якобсон Р. Новейшая русская поэзия: Набросок первый. Прага, 1921. С. 5 сл.

⁹ ИРЯ. Ф. 20. Л. 27.

¹⁰ Ср. мнение другого члена МЛК: «Ученый не оценивает, а изучает. Как ботаник не знает растений красивых и уродливых, как математик не знает чисел дурных и хороших, так и искусствовед не знает прекрасных и безобразных, талантливых и бездарных произведений искусства. Такое разграничение — дело критика» (Винокур Г. О. Чем должна быть научная поэтика [1920] // Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990. С. 9; см. также: Шапир М. И. Комментарии // Там же. С. 259 прим. 3). Противоречивую позицию по этому вопросу занимал Н. С. Трубецкой (N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes. The Hague; Paris, 1975. P. 17—18, 22—23).

¹¹ ИРЯ. Ф. 20. Л. 26. Ср., например: «... и н д и в и д у а л ь н ы х я з ы к о в ... с т о л ь к о ж е, с к о л ь к о и н д и в и д у у м о в » (Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Ч. I. Исторический процесс образования русских имен и наречий. Пг., 1916. С. 7). Это положение восходит к немецким младограмматикам: «... язык не есть вещь, стоящая вне людей и над ними и существующая для себя; он по-настоящему существует только в индивидууме» (Osthoff H., Brugmann K. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Lpz., 1878. Teil 1. S. XII); «В действительности ... насчитывается столько диалектов, сколько говорящих индивидов» (Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. С. 59 сл.) и др.

¹² См., например: Якобсон Р. Новейшая русская поэзия... С. 47; Шапир М. И. Указ. соч. С. 261 прим. 18.

¹³ См.: ЦГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 96. Л. 6; Ранние статьи Р. О. Якобсона о живописи... С. 411. Еще одно название якобсоновского доклада — «Глава из поэтической диалектологии» [см. «Отчет Московского Лингвистического Кружка за 1918—1919 академический г^{од}» (ИРЯ. Ф. 20. Л. 257)]. Кроме Якобсона, термин *поэтическая диалектология* употреблял Б. А. Ларин [Ларин Б. О разновидностях художественной речи: (Семантические этюды). Гл. I. О методах и предпосылках эстетики языка // Русская речь. Пг., 1923. [Вып.] I. С. 76—77]. Винокур предпочитал говорить о «поэтическом языкознании» (Винокур Г. О. Чем должна быть научная поэтика. С. 13), В. М. Жирмунский — о лингвистической поэтике (Начала. 1921. № 1. С. 213, 214) и поэтической лингвистике (Жирмунский В. Композиция лирических стихотворений. М., 1921. С. 4); ср. критическое использование последнего термина в рецензиях В. В. Виноградова на книги Жирмунского и Якобсона (Виноградов В. В. Избранные труды: Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 463, 464). Характерно, что правое крыло МЛК усматривало в диалектологии генетические корни «формалистической поэтики». Так, в программной статье Горнунга говорилось о том, что в свете достижений феноменологической эстетики Г. Г. Шпета «рушатся якобы научные теории, подпиравшие устои российского футуризма, и созданные симпатизирующими ему учеными фольклористами и диалектологами. Симпатии ясны. Футуризм явился в литературе по собственным заявлениям „без роду, без племени“, а генеалогические разыскания предков Хлебникова привели к русскому фольклору и говорам. Фольклористы были весьма польщены тем, что объекты их ученьих занятий с задворок попадают в литературные салоны <,> и принялись подводить под художества доморощенных новаторов научный фундамент» [Горнунг Б. Hermes // Ерм^ы. 1922. № 1. С. 74 (архив Г. А. Левинтона)].

¹⁴ ИРЯ. Ф. 20. Л. 27.

¹⁵ См.: Шапир М. И. К вопросу о сопиокультурном определении литературного языка // Проблемы языкового варьирования и нормирования. М., 1988. С. 65—68; Его же. Теория «церковнославянско-русской диглоссии» и ее сторонники: По поводу книги Б. А. Успенского История русского литературного языка (XI—XVII вв.) // Russ. Ling. 1989. Vol. 13, № 3. Р. 271—272, 289 п. 1; Он же. Язык быта / языки духовной культуры // Ibid. 1990. Vol. 14, № 2. Р. 129—146.

¹⁶ ИРЯ. Ф. 20. Л. 27.

¹⁷ Публикуется впервые. Печатается по автографу (Там же. Л. 26—27), с сохранением орфографии оригинала (подлинник — рукой Г. О. Винокура).

¹⁸ В архиве МЛК (ИРЯ. Ф. 20) тезисы доклада отсутствуют.

¹⁹ Ср. сходную постановку вопроса в откликах Трубецкого (N. S. Trubetzkoy's

Letters and Notes. P. 17), Жирмунского (Начала. 1921. № 1. С. 214) и Виноградова (*Виноградов В. В. Указ. соч. С. 463*).

²⁰ Ср.: N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes. P. 17–18.

²¹ О «внутреннем склонении» см.: Якобсон Р. Новейшая русская поэзия... С. 48–50; а также: Гофман В. Язык литературы: Очерки и этюды. Л., 1936. С. 212–214; Харджиев Н. Маяковский и Хлебников // Харджиев Н., Тренин В. Поэтическая культура Маяковского. М., 1970. С. 102–103; Григорьев В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. М., 1983. С. 89–107; Weststeijn W. G. Velimir Chlebnikov and the Development of Poetical Language in Russian Symbolism and Futurism. Amsterdam, 1983. P. 29–30; 71; Vroon R. Velimir Xlebnikov's Shorter Poems: A Key to the Coinages. Ann Arbor, 1983. P. 18–19, 162–165; и др.

²² В работе Якобсона (см.: Якобсон Р. Новейшая русская поэзия... С. 52, 61) и в прениях по докладу (ср. рецензии Богатырева и ответную рецензию Якобсона) мы сталкиваемся, по-видимому, с первым употреблением терминов *валентный*, *валентность*, *поэтическая валентность*, *звуконическая валентность* в качестве лингвистических терминов. Видно, что под «валентностью» звуков Якобсон имел в виду их значимость (= *valleur*), а Богатырев — сочетаемость (= *valence*), и поэтому в качестве примера особой «валентности гласных» он приводил именно зияния, тогда как Якобсон, обсуждая вопрос о зияниях (введенный в брошюру, возможно, под влиянием критики Богатырева; см. протокол обсуждения), обходится без термина «валентность» (см.: Там же. С. 68). Ср. употребление этого термина в статье Винокура «Поэтика. Лингвистика. Социология: (Методологическая справка)» (1923; см.: Винокур Г. О. Филологические исследования... С. 27).

²³ См.: Якобсон Р. Новейшая русская поэзия... С. 33–34.

²⁴ См.: Там же. С. 29, 31–34, 41, 60, 63.

²⁵ Разделение исторической и статической точек зрения есть не что иное, как различие *синхронии* и *диахронии*, привившееся (в той терминологии, которой придерживались члены кружка) благодаря распространению идеи Ф. де Соссюра в передаче С. О. Карцевского, в 1918 г. принимавшего участие в работе МЛК и Московской диалектологической комиссии (=МДК) [см. протокол обсуждения доклада Карцевского «Система русского глагола», на котором из членов МЛК присутствовали Ф. Н. Афремов, П. Г. Богатырев, А. А. Буслаев, Г. О. Винокур, И. Л. Кан, М. Н. Петерсон, П. П. Свешников и Р. О. Якобсон (МДК, 7.II и 17.V.1918; ИРЯ. Ф. 20. Л. 10–13)]. С этой точки зрения лишь отчасти справедливы слова Горунуга о том, что деятельность МЛК [до 1923 г.] отражает «дососсюрский этап» в развитии лингвистики (Ин-т рус. яз. Лаборатория экспериментальной фонетики. А-790). Ср. также различие «статики» и «синхронии» у позднего Якобсона (Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. С. 196).

²⁶ См.: Якобсон Р. Новейшая русская поэзия... С. 3.

²⁷ Ср.: N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes. P. 17–18.

²⁸ Примеры из Маяковского см.: Якобсон Р. Новейшая русская поэзия... С. 51.

²⁹ Аналогию с семитскими языками (ср.: Там же. С. 48) проводил и сам Хлебников: «Созвучия имеют арабский корень» [из письма к А. Е. Крученых, начало 1913; Хлебников В. Собрание произведений. Л., 1933. Т. V. С. 298; см. также: Григорьев В. П. Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. // Сб. докл. и сообщ. Лингв. о-ва Калинина. ун-та. 1975. [Т.] V. С. 152–153; Минералов Ю. И. К теории поэтического языка: (о понятии морфо-семантического уровня в русском поэтическом языке) // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1977. Вып. 398. С. 82].

³⁰ В рукописи ошибочно: «согласных». По-видимому, Якобсон все же не совсем прав: так, в стихотворении «Бобёби пелись губы...», разумеется, немаловажно, что два *o*, встречающиеся в первом слове,— губные, а также что в парах *вэзомы* и *вэзоры*, *пиэзо* и *брози*, *лизээй* и *облик* — хотя бы по одному совпадающему гласному (ср.; Тынянов Ю. Н. Иллюстрации 1923 // Тынянов Ю. Н. Поэтика; История литературы; Кино. М., 1977. С. 313).

³¹ Судя по рецензии Винокура на «Новейшую русскую поэзию» (1921), Якобсон вполне сумел его убедить (см.: Винокур Г. О. Филологические исследования... С. 57). Ср. также замечание Винокура на работу Б. М. Эйхенбаума о Пушкине: «Заканчивает свою статью Эйхенбаум указанием на то, что лишь теперь, когда Пушкин от нас так далек — возможно настояще его восприятие. Ошибка этого утверждения, пожалуй, не сразу ясна (...). Конечно, изучать поэтику Пушкина — мы умеем, чего не умели современники. Но зато последние куда живее воспринимали, куда острее чувствовали все новое, удающее в версификации Пушкина — все то, что для нас теперь — лишь штамп и шаблон» (Новый путь. 1922. 1 янв., № 275. С. 4).

³² Близкое замечание высказал в своей рецензии Виноградов (см. прим. 13). В настоящее время индивидуальный язык принято называть «идиолектом» (см.: Григорьев В. П. Грамматика идиостиля... С. 3–6 и др.).

³³ Эта идея легла в основу всей новейшей поэтики: «Лингвистика вообще есть наука о всяком языке, в том числе и о языке художественном. Ее задачи будут выполнены не полностью, пока они будут выполняться в отношении материала, хоть сколько-нибудь ограниченного со стороны его объема или природы» (Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений [1945] // Винокур Г. О. Филологические исследования... С. 139); «Так как общей наукой о речевых структурах является лингвистика, поэтику можно рассматривать как составную часть лингвистики» [Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. С. 194; см. также: Шапир М. И. «Грамматика поэзии»

и ее создатели: (Теория «поэтического языка» у Г. О. Винокура и Р. О. Якобсона) // Изв. АН ССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46, № 3. С. 221—236].

³⁴ См.: Якобсон Р. Новейшая русская поэзия... С. 14, 20, 41—42, 46, 47, 55—56, 58, 59.

³⁵ В брошюре Якобсона это высказывание Хлебникова не приводится. Ср. в статье «Наша основа» (май 1919): «⟨...⟩ гласные звуки менее изучены, чем согласные» (Хлебников В. Указ. соч. С. 237).

³⁶ Действительно, о семантике согласных (см., например: Там же. С. 188—192, 198—211, 217—221, 225, 229—237, 259, 269, 301—302) Хлебников говорил намного больше, чем о семантике гласных (Там же. С. 171—172, 189, 205, 237). И тем не менее: «Так стихотворение полно смысла из одних гласных» (Там же. С. 189).

³⁷ В брошюре — «от тона к шуму» (Якобсон Р. Новейшая русская поэзия... С. 61).

³⁸ Вероятно, имеется в виду манифест Л. Руссоло «Искусство шумов» (1913) (см.: Манифести итальянского футуризма: Собрание манифестов Маринетти, Боччони, Карра, Руссоло, Балла, Северини, Прателла, Сен-Пуан. М., 1914. С. 51—58.)

³⁹ О «разговорных» элементах см.: Якобсон Р. Новейшая русская поэзия... С. 30—33.

⁴⁰ О «lapsus'ax linguae», «ритме и порядке» см.: Там же. С. 33—34.

⁴¹ О сравнениях см.: Там же. С. 38—41.

⁴² Скорее всего — о стихотворении «Посвященье» (в поздней редакции — «Двор») из сб. «Поверх барьера» (М., 1917).

⁴³ См.: Якобсон Р. Новейшая русская поэзия... С. 35—36.

⁴⁴ См. стихотворения Д. Бурлюка в сб. «Рыкающий Парнас» (Пг., 1914. С. 19, 21—24, 28—29, 33, 36—37, 39) и «Весеннее контрагентство муз» (М., 1915. С. 97—98, 100), в журнале «Московские мастера» (1916. Весна. С. 19—20) и др., а также: Markov V. Russian Futurism: A History. Berkeley; Los Angeles, 1968. P. 169, 286; Scholz F. Die Anfänge des russischen Futurismus in sprachwissenschaftlicher Sicht // Poetica. 1968. Bd. 2, H. 4. S. 489; Tschizewskij D. Der russische Futurismus und die dichterische Sprache // Archiv. für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. 1972. Bd. 209, Jg. 124, Hbd. 1. S. 92—93.

⁴⁵ См.: Якобсон Р. Новейшая русская поэзия... С. 36—37. О тенденции к «безглагольности» в поэтическом языке начала века: Иванов Вяч. Вс. К исследованию поэтики Блока: («Шаги командора») // Russian Poetics. Columbus (Ohio,), 1983. P. 181—185; Его же. Стихи Блока об Италии // Италия и славянский мир: Сов.-итал. симпозиум in honorem Prof. E. Lo Gatto. М., 1990. С. 84; и др.

⁴⁶ Имеются в виду два к подряд и еще одно — чуть раньше: «руки к кафе».

⁴⁷ По-видимому, контаминация двух строчек: «Смотрит прямо и суха» («Алчак», 1908—1909) и «Глядят коварно, зло и рысью» («Игра в ад», 1912); ср.: Якобсон Р. Новейшая русская поэзия... С. 36.

⁴⁸ Идея о том, что союз и может выполнять ритмико-мелодические функции, создавая иллюзию связности и завершенности там, где на деле их нет, была детально разработана Винокуром в статье «Слово и стих в „Евгении Онегине“» (вторая половина 1930-х годов; см.: Винокур Г. О. Филологические исследования... С. 175—178, 190—195).

⁴⁹ См.: Якобсон Р. Новейшая русская поэзия... С. 41—44.

⁵⁰ Об окказиональных суффиксах в языке Хлебникова см.: Vroon R. Op. cit. Р. 103—135, 147—161; Григорьев В. П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986. С. 124—144.

⁵¹ На протяжении многих лет МЛК пытался наладить выпуск собственных изданий, однако все эти попытки потерпели неудачу.

⁵² Во время заседания секретарь вел черновой протокол, перебеленный вариант которого утверждался, как правило, на следующем заседании или через одно — так, протокол заседания от 11 мая был подписан кружковцами 17-го.

⁵³ См.: Новый путь. 1921. 6 февр., № 6. С. 3—4; подпись Л. К.; а также: Винокур Г. О. Филологические исследования... С. 56—57.

⁵⁴ См.: Книга и революция. 1921. № 12. С. 54; подпись Борский.

⁵⁵ См.: Начала. 1921. № 1. С. 213—215.

⁵⁶ См.: Библиогр. листы Рус. библиол. о-ва. 1922. № 3. С. 14; а также: Виноградов В. В. Указ. соч. С. 463—464.

⁵⁷ См.: Жизнь. 1922. № 3. С. 168—170.

⁵⁸ Здесь Якобсон сделал примечание: «Посыпая эту книгу НТ <= Н. С. Трубецкому>, РЯ <= Р. О. Якобсон> охарактеризовал ее как предварительный набросок к задуманному им очерку общей поэтики» (N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes. Р. 17 п. 6).

⁵⁹ Ibid. Р. 17—18 (с сохранением орфографии и пунктуации Трубецкого).

⁶⁰ Имеется в виду следующее место: «⟨...⟩ до сих пор историки литературы преимущественно уподоблялись полиции, которая, имея целью арестовать определенное лицо, захватила бы на всякий случай всех и все, что находилось в квартире, а также случайно проходивших по улице мимо. Так и историкам литературы все шло на потребу — быт, психология, политика, философия. Вместо науки о литературе создавался конгломерат доморощенных дисциплин» (Якобсон Р. Новейшая русская поэзия... С. 11). Ср.: «История литературы напоминает географическую полосу, которую международное право освятило как res nullius, куда заходят охотиться историк культуры и эстетик, арудит и исследователь общественных идей. Каждый выносит из нее то, что

может, по способностям и воззрениям, с той же этикеткой на товаре или добыче, далеко не одинаковой по содержанию» [Веселовский А. Из введения в историческую поэтику: (Вопросы и ответы) [1893] // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 53]. В этой связи Жирмунский (Начала. 1921. № 1. С. 213) обратил также внимание на «Послесловие» М. О. Гершензона к книге: Лансон Г. Метод в истории литературы. М., 1911. С. 48–60.

⁶¹ Речь идет не о литературном языке, а о языке литературы (см. прим. 15).

⁶² Под псевдонимом Дядя Митя публиковалось несколько литераторов; по всей вероятности, Трубецкой говорит о Д. Д. Тогольском или Д. К. Варищеве, печатавшихся во множестве столичных газет и журналов. Вообще неразличение «хорошей» и «плохой» литературы Трубецкой считал едва ли не основной ошибкой «формалистов». Ср. отрывок из его письма Ф. А. Петровскому (3.VIII.1922), проясняющий общее отношение Трубецкого к Опоизью: «В Праге <...> раздобыл я несколько изданных в России книжек по модной повидимому у вас науке, теории поэтического языка и литературы, которой (наукой) сильно увлекается мой приятель Р. Якобсон. То, что я читал, мне не понравилось. Что-то в этой науке есть упадочное, несимпатичное. Расковырять писателя, — другой раз и живого, — чтобы посмотреть, отчего это у него все так складно выходит... И ведь как ни ковыряй, ничего все равно не увидишь. В концепциях оказывается, что человек, составляющий телеграмму „приезжал пятницу вечером задержи номер гостинице“, и поэт, пишущий поэму — одно и то же. А, на самом деле, — это „две разницы“. Объявлять тождество формы и содержания, видеть во всем „прием“ (даже в письмах Толстого к жене <вероятно, о книге Эйхенбаума „Молодой Толстой“ (Пб.; Берлин, 1922), где, впрочем, эти письма даже не упоминаются.— М. Ш.)> — это какой-то дегенеративный дефект восприятия, что-то вроде дальтонизма. Любопытнее других книга <Эйхенбаума.— М. Ш.> „Мелодика стиха“. Но уж очень легковесно. Мишиных <М. А. Петровского.— М. Ш.> статей так и не удалось прочесть» (ЦГАЛИ. Ф. 1348. Оп. 7. Ед. хр. 70. Л. 9 об. — 10).

⁶³ Примечание Якобсона: «Предполагавшееся введение в общую поэтику» (N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes. P. 23 n. 8).

⁶⁴ Трубецкой говорит о будущей книге: Якобсон Р. О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. Берлин, 1923.

⁶⁵ N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes. P. 22—23.

⁶⁶ Ibid. P. 17.

⁶⁷ Ibid. P. 22.

⁶⁸ Ibid. P. 18.

⁶⁹ Ibid. P. 22 n. 7.

⁷⁰ См. об этом: Ibid. P. VI.

⁷¹ Достаточное представление о характере возражений Томашевского дает следующий отрывок из его рецензии (опубл. в июне 1921): «В чем основной признак эстетической функции поэтического языка? Как отличить произведение художественное от нехудожественного? Автор сознательно отмечает эти вопросы, и часто возникает вопрос, не регистрирует ли он в качестве поэтических приемов практические, вводимые в общую рамку художественной композиции, и даже эстетические обмывки поэта. Адекватность теоретических предпосылок Якобсона с поэтическими приемами Хлебникова возбуждает вопрос, не есть ли это такая же догматизация футуристических приемов, вчитываемая во всякую поэзию вообще, как, например, символическая, романтическая и классическая теории поэзии, являвшиеся объективацией субъективных приемов этих поэтических школ». «Недостаточна мотивировка творчества терминами „установка на выражение“, „обнажение приема“, „игра“ и т. д.» (Книга и революция. 1921. № 12. С. 54).

⁷² Архив Т. Г. Винокур. Письмо не датировано; написано, вероятно, летом 1921 г., по получении журнала с рецензией Томашевского. Это не первое письмо Якобсона Г. О. Винокуру по поводу брошюры о Хлебникове — сохранилось письмо от 16.II. [1921], в котором автор благодарит Винокура за рецензию (опубл. 6 февр.) и вносит некоторые уточнения в формулировки рецензента (см.: Шапир М. И. Комментарии. С. 297 прим. 1).

⁷³ Не датировано. Оригинал — не ранее середины лета 1921 г. Публикуется впервые. Печатается по авторской копии (архив Т. Г. Винокур, которой публикатор обязан сердечной признательностью за возможность воспользоваться сохраненными ему материалами по истории русской филологии XX в.).

⁷⁴ См.: Якобсон Р. Новейшая русская поэзия... С. 11. В этом же значении Винокур употреблял термин поэтичность (Винокур Г. О. Чем должна быть научная поэтика. С. 13).

⁷⁵ См.: Якобсон Р. Новейшая русская поэзия... С. 56—58.

⁷⁶ Преодолению дуализма формы и содержания и противопоставлению материала и приема уделено большое внимание в работах Жирмунского и Винокура (см.: Жирмунский В. Задачи поэтики // Жизнь искусства. 1919. 9 дек., № 313. С. 1; Он же. Задачи поэтики // Начала. 1921. № 1. С. 51—54; Винокур Г. О. Чем должна быть научная поэтика. С. 10, 11—12). Очевидное влияние на русских эстетиков и филологов оказал логико-философский анализ античной «форма — содержание» и «форма — материал» у А. Марти (см.: Marty A. Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. Halle a. S., 1908. Bd. 1. S. 101 и далее).

⁷⁷ Понимание *сюжета* как языкового явления, относящегося к семантическому (а точнее сказать — к «гиперсемантическому») уровню языка, исповедовали очень многие члены МЛК: Богатырев, Винокур, Петровский, Шпет, Якобсон; несогласие с этой точкой зрения высказывали Брик и Кенигсберг (см.: ИРЯ. Ф. 20. Л. 91—91 об., 92 об.—93, 95, 124—124 об. и др.). Возражая Жирмунскому, выводившему поэтику сюжета и композиции за рамки лингвистики, Винокур, например, писал: «⟨...⟩ сюжет — есть, по-нашему, сочетание словесных значений, иначе говоря, сюжет — явление порядка семантического» (Новый путь. 1922. 9 февр., № 306. С. 4; подпись Г. В.; подробнее см.: Шапир М. И. Комментарии. С. 298—300).

⁷⁸ Имеется в виду внешнее сходство (возникшее в результате разных языковых процессов) исконного неполногогласия *скворада* (болг.) и акающего полногласного *скъврода* (ю.-рус.) с полной редукцией первого предударного гласного.

⁷⁹ См. прим. 71.

⁸⁰ Якобсон намекает на мысль Трубецкого о мнимом превосходстве европейской («романо-германской») культуры над остальными, высказанную им в книге «Европа и Человечество» (София, 1920). Эта мысль легла в основу идеологии «евразийства»— см., в частности: Топоров В. Н. Николай Сергеевич Трубецкой — ученый, мыслитель, человек: (к столетию со дня рождения) // Сов. славяноведение. 1990. № 6. С. 65—67.

⁸¹ Примеры в сн. 46 — из ранней редакции «Облака в щтанах» (1914—1915) и «Гимна судьи» (1915).